

А. В. Корнев

О. Ю. Рыбаков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа»

Резюме. Обзор посвящен научному мероприятию, организованному кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках проекта «Право новой социальной реальности и инновационной юриспруденции» программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Научно-практическая конференция была посвящена трудам такого известного мыслителя и философа, как Иммануил Кант. Именно И. Кант открыл новые исследовательские рубежи, в которых познающий человек был воспринят в качестве главного условия мира, где он приобретает свое предназначение. Такие базовые категории, как «нравственные основы права», «категорический императив», побуждают индивида соблюдать всеобщую гармонию мира, что обеспечивает сохранение последнего. Научно-практическая конференция собрала множество ученых, исследователей разных областей права. Это научное мероприятие позволило лишний раз отдать дань уважения труду и работам Иммануила Канта.

Ключевые слова: философия; социология; категорический императив; Иммануил Кант; нравственность; гармония; история; право; конференция; обзор

Для цитирования: Корнев А. В., Рыбаков О. Ю. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа». *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 140–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.140-152

29 апреля 2024 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась организованная кафедрой философии и социологии Всероссийская научно-практическая конференция «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа», в рамках которой был проведен круглый стол «Правовые технологии социального конструирования» (проект «Право новой социальной реальности и инновационная юриспруденция» центра компетенций «Социоправо»; программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»).

Конференцию открыл *заведующий кафедрой философии и социологии, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор О. Ю. Рыбаков*, который поприветствовал докладчиков, слушателей и гостей и отметил, что 300-летний юбилей Иммануила Канта позволяет нам вновь обратиться к его творческому наследию. Имя известного мыслителя вошло в историю философии, заложило новое понимание процесса познания. Философ открыл новые исследовательские рубежи, где познающий человек есть главное условие мира, в котором он обретает свое предназначение. Нравственные основания права, категорический, пове-

лительный императив обязывают индивида соблюдать всеобщую гармонию мира и, что главное, сохранить мир. Внутреннее долженствование предписывает разумному человеку обеспечить соблюдение требований всеобщего разума. Тем самым Иммануил Кант проложил тропу надежды для каждого человека, стремящегося к обретению нравственного состояния человека, общества, государства.

Участниками конференции и круглого стола стали известные ученые в области исследования философии Иммануила Канта, неокантианства, философии права.

В докладе «Кант и немецкое неокантианство» *заведующего кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктора философских наук, профессора В. Н. Белова* были освещены вопросы историко-философского развития идей И. Канта.

Возвращение к Канту воспринимается родоначальниками неокантианства как тройная задача: поместить Канта в более общую философскую традицию, оценить революционность произведенных им изменений этой традиции, выявить ошибки кантовской системы, что позволит опять же данной традиции развиваться дальше. Таким образом, помещая Канта в философскую традицию, неокантианцы открывают себе возможность критической интерпретации не только его самого, но и всей традиции, а также Канта через свою интерпретацию последней.

Первая задача оказывается не такой простой, как кажется на первый взгляд. Кант ведь очень мало ссылается на своих предшественников, он лишь поверхностно бросает обвинение прошлым подходам и ведет речь как бы с чистого листа, поэтому неокантианцы принимают усилия по реконструкции и «переоткрытию» тех идей и концептов, которые Кант использует как бы впервые.

Что касается революционности подхода Канта и возможности «переоткрытия» уже не кантовской системы, а, исходя из этой революционности, всей философской традиции, то здесь мы видим также великолепные образцы и благодарные усилия родоначальников неокантианства по интерпретации философии Платона.

Таким образом, Кант немецких неокантианцев — это:

- 1) Кант исторический;
- 2) Кант системный;
- 3) Кант как «дух» трансцендентальной философии, импульс для развития (понять Канта — значит пойти дальше него);

4) Кант современный, помогающий решать значимые проблемы дня сегодняшнего.

Если попытаться дать самое общее и прилизительное определение немецкого неокантианства, то можно отметить следующее: однозначно стремление неокантианцев к обновлению кантовского проекта критической трансцендентальной философии в свете новых открытий, прежде всего в естественных науках, а также заявление и утверждение своего права на специфику новых гуманитарных наук (психологии, социологии), где кантовский проект понимается в качестве обоснования факта разума, который истолковывается как неоспоримый факт науки. Основную парадигму, в соответствии с которой они действовали, можно назвать критической и идеалистической: критической — в той мере, в какой критика является оправдывающим подходом по отношению к существующим открытиям в различных сферах знания, и идеалистической — в той мере, в какой отвергается любой реалистический сценарий в опыте и познании чего-либо мирского. Вместо этого почти все проблемы, с которыми имеют дело неокантианцы, рассматриваются в соответствии с базовым предположением о том, что нет прямого доступа к миру, к миру «вещей в себе», но все наши знания существуют, представления о мире опосредуются нашим опытом восприятия мира и концептуальными способностями, которыми мы обладаем для его понимания. Эта позиция касается всех основных тем исследования в неокантианстве, будь то наука, культурные артефакты, контексты или ценности.

В докладе «Постулаты практического разума и идея бессмертия в этике И. Канта» *заведующего кафедрой этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора философских наук, профессора А. В. Разина* был представлен анализ смыслообразующих оснований учения И. Канта. Кант пытается полностью исключить личный интерес из морали. Он отвергает все моральные теории, построенные на основе идеи счастья, апеллирующие к чувственным основаниям морали. Чувственное понимание морали действительно вызывает много вопросов. Такое понимание ведет к идее нравственной потребности. Но там, где есть потребность, нет долга. Кант предлагает универсальное правило, порождаемое разумом, благодаря которому человек сам ограничивает собственную свободу, понимая необходимость ее сочетания со свободой других. Но, исключая

личный интерес из морали, Кант сталкивается с проблемой понимания свободы выбора, ведь выбирать человек может на каком-то основании. Иначе это просто случайный выбор.

Другая проблема, с которой сталкивается Кант, — это идея развития человека как нравственного существа в качестве его основной задачи, жизненной цели. Но возникает вопрос: во имя чего нужно бесконечно совершенствовать себя в моральном бытии, как это связано с практикой?

Кант пишет, что одной из задач, которая решается человеком в этике добродетелей, является задача выйти из природной дикости, реализовать себя в качестве культурного существа. Он пишет, что каждый должен реализовать все свои таланты. Но как это можно сделать без сознания личного интереса, ведь реализация талантов предполагает определение того, к чему ты способен, а это неизбежно связано со склонностями?

Проблема в определенной степени решается в постулатах практического разума. Там Кант говорит о движении к благу как бесконечном процессе, ибо человеческая воля, в отличие от божественной, не может быть успокоенной. Движение в бесконечность требует бессмертия. Это бессмертие является условием бесконечного продолжения нравственных дел.

Кант говорит, что каждый должен реализовать все потенции своего вида. Для животного это фактически означает произвести полноценное потомство. Но для человека это предполагает освоение всей человеческой культуры, соединение себя с целями развития человечества. Это определенно требует бессмертия.

Если понимать бессмертие в плане реального продолжения жизни, а не просто в качестве памяти о себе в сознании потомков, возникает вопрос: где и как оно может реализоваться? Американский профессор Дж. Лоулер (J. Lowler) полагает, что Кант допускал идею реинкарнации. Он ссылается на работу «Всеобщая история и теория неба», которая кончается риторическим вопросом: для чего же тогда существуют другие небесные тела, если не для того, чтобы наши души продолжали там жить после смерти? Но это единственное место, где Кант ставит вопрос подобным образом, и это работа еще докритического периода. Вряд ли Кант допускал идею реинкарнации, ведь христианская философия задолго до него развенчала данную идею, показав

неразрывную связь души и тела. Тогда остается только одна логическая возможность — посмертное бытие человека в интеллигибельном мире. Думается, Кант полагал возможной активность человека после смерти как существа, принадлежащего к интеллигибельному миру. Какие задачи он там решает, можно только предполагать, ведь этот мир недоступен для нашего восприятия. Но Кант, несомненно, полагал, что наш феноменальный мир приближается к ноуменальному в своем совершенстве, и человек вносит в данный процесс свой вклад как в актуальной жизни, так и в своем посмертном бытии.

В докладе *заведующего кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктора юридических наук, профессора Е. А. Фроловой* «Кант и русские неокантианцы о праве» представлен анализ влияния идей И. Канта на развитие русской философии права. 300-летие со дня рождения Иммануила Канта в 2024 г. человечество встречает постановкой социокультурных проблем, о многих из которых речь шла в трудах кенигсбергского мыслителя. Его идеи о достоинстве личности и сущности права, об эффективном устройстве государства и построении гражданского общества, проекте вечного мира и гарантиях выживания человека на уровне человеческого рода остаются актуальными в XXI в.

И. Кант занимался разработкой правовых и государственных вопросов в последнее десятилетие своей жизни: в 1793 г. выходит в свет его статья «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”»; в 1795 г. — трактат «К вечному миру»; в 1797 г. — фундаментальный труд «Метафизические начала учения о праве» в виде первой части «Метафизики нравственности», в августе того же года — вторая ее часть — «Метафизические начала учения о добродетели».

В основе правовых воззрений Канта лежит различие «моральности» и «легальности» человеческих поступков. Вслед за Томазием и Вольфом Кант утверждал, что учение о праве касается только внешних условий и норм поведения людей: поведение лица считается «легальным», если человек внешне соблюдает предписания нравственного закона¹. Согласно его подходу, свободная воля индивида позволяет ему выбирать вариант своего поведения; несмотря на наличие в сознании индивида как

¹ Кант И. Критика практического разума // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 396.

разумного существа предписаний морального закона, он может поступить иначе: «Из столь кривого дерева, из которого сделан человек, не может быть вытесано ничего совершенно прямого». Следовательно, создается возможность коллизий свободных волей индивидов между собой, в результате чего их свобода может быть уничтожена. Поэтому для охраны свободы Кант признает необходимость правовых ограничений. Право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы². Кант выделял несколько качеств права, определяющих его сущность: право относится не к области субъективных желаний, а к сфере внешних, практических отношений людей; с помощью права поступки одного лица совмещаются с действиями других лиц с точки зрения всеобщего закона свободы; право — это взаимное принуждение, охраняющее общую свободу.

В «Критике чистого разума» Кант доказывал трудность поиска определений в философских науках, к которым он относил и науку о праве, — сущность права не может быть постигнута ни методами практической юриспруденции, ни общей теорией права. Иными словами, в рамках позитивистских концепций постичь метаюридическую природу права не представляется возможным; природа права может быть раскрыта только философским разумом.

Последователей философии Канта называют неокантианцами. Неокантианство представляет собой совокупность философских идей, основывающихся на критической философии Канта и ставящих цель преобразовать и развить его систему. Главную роль в развитии этого направления сыграли марбургская и баденская школы. Марбургская школа оформилась в 1870-е гг. (в Германии — Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, А. Риль, Р. Штаммлер; в России — В. А. Савальский, С. Л. Рубинштейн, Б. П. Вышеславцев, отчасти Н. Н. Алексеев и др.), баденская — в 1880-е гг. (в Германии — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Радбрух; в России — Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, С. И. Гессен, В. М. Хвостов, отчасти Ф. А. Степун и др.).

Неокантианцы не разделяли кантовский дуализм явлений и «вещей в себе». Согласно философии Канта, сущность «вещей в себе» не может быть познана в силу ограниченности человеческих способностей. Неокантиан-

цы стремились устранить противопоставление познающего субъекта и «вещи в себе» с помощью сведения второго к первому. В таком случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия заменялись априорными законами разума. С этих позиций общество, государство, право представляли собой не объективные «вещи в себе», а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Вопросы государства и права переносились неокантианцами из эмпирической области в сферу сознания.

Центральная тема философии неокантианцев — учение о научном методе. Различая вслед за И. Кантом категории сущего и должного, Г. Риккерт, систематизатор и продолжатель идей В. Виндельбанда, считал необходимым заменить традиционное деление наук (естественные науки и науки о духе) на иную классификацию: науки о природе и науки о культуре. Неокантианцы отграничивали исследования природы от изучения культуры, проводили грань между естественными и гуманитарными науками. Критерий разграничения наук для неокантианцев — метод познания: генерализирующий метод лежит в основании наук о природе, индивидуализирующий характеризует науки о культуре. Несмотря на сложности исследований в области гуманитарного знания (неясность критериев истины, относительность выводов, наличие ценностного компонента), сторонники неокантианства настаивали на научном характере гуманитарных наук.

Отличительными чертами русского неокантианства конца XIX — первой четверти XX в. являлись эклектизм и идейная размытость: элементы кантианской и неокантианской философии использовали П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, В. М. Хвостов, В. А. Савальский, П. Б. Струве, Л. И. Петражицкий, С. И. Гессен, Е. В. Спекторский, Е. Н. Трубецкой и др. В своих учениях о праве и государстве они стремились отыскать не только функциональные связи права и государства как эмпирических явлений, но и показать их системные качества в логических моделях социальных наук.

Русские юристы-неокантианцы обосновывали нормативность культуры, права, государства. П. И. Новгородцев, вслед за И. Кантом утверждая, что мораль имеет собственные закономерности, разграничивал науку и моральную

² Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 139.

философию. Согласно подходу В. М. Хвостова, наука должна иметь характер чистого, а не прикладного знания и строго ограничиваться от разного рода нормативных и политических построений. Различая каузальный и нормативный методы исследования, Новгородцев и Хвостов допускали их взаимодействие при изучении политико-правовых явлений как объективно данной реальности. Тема методологии социальных наук — центральная в творчестве Б. А. Кистяковского. Разграничивая природу и культуру, он не противопоставлял нормативные и каузальные науки: социальный мир можно рассматривать с точки зрения причинно-следственных отношений, происходящих в силу необходимости. А. С. Лаппо-Данилевский выступал с обоснованием равноправия номотетического (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) методов исследования социальных наук. В отличие от В. Виндельбанда и Г. Риккерта, относивших номотетический метод к области наук о природе, он обосновывал равноправное использование обоих методов в науках о культуре (например, в поиске типологии в исторических науках).

По силе влияния неокантианство во второй половине XIX — первой четверти XX в. преодолело рамки философии, выступив социальной программой политических учений, доктринальным мировоззрением, определившим области культурной и социальной жизни. Русское неокантианство в основных своих проявлениях стремилось к выделению нравственно-онтологических основ жизни и национальной независимости и развивалось преимущественно под эгидой неокантианства баденской школы. Причина этого явления заключалась в близости установок и запросов отечественных правоведов к ценностным принципам теорий В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Гносеологизм марбургской школы как философского течения в «чистом» виде, за редким исключением (В. А. Савальский), не был востребован юридической мыслью в России. Первоначальный интерес русских мыслителей к сугубо философским проблемам постепенно сместился в сторону онтологии права и государства (к исследованию актуальных социальных проблем, стремлению реализовать на практике идеальные построения в политико-правовой области).

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук В. Н. Жуков выступил с докладом «Философия права в немецкой классической философии».

Философию права можно рассматривать в двух значениях: широком и узком. В широком смысле философия права — это история философии права, начиная с древнейших времен. В узком смысле под философией права следует понимать академическую философию права, сложившуюся в университетской среде в качестве учебной и научной дисциплины. Начиная с XIX в. философию права можно (хотя и очень условно) разделить на два основных направления: метафизическое и юридико-догматическое. Метафизическая философия права нацелена на создание смысловой картины мира, на поиск предельных оснований политико-правового бытия, на построение методологии, способной обосновать предлагаемые теоретические конструкции. Юридико-догматическая философия права ставит перед собой задачу дать догматический анализ политико-правовых явлений.

Метафизическая философия права является частью философии, перенимая от нее основные свойства, юридико-догматическая — частью юридической науки (общей теории права), беря от нее догматический метод. Строго говоря, именно метафизическая философия права является действительно философией, поскольку в ней имеется мировоззренческий компонент — ядро философии. Называть юридико-догматическую общую теорию права философией — большая натяжка, игра слов и подмена понятий. В нашей постсоветской так называемой философии права доминирует юридико-догматическая ее разновидность, поскольку ее создавали юристы (например, либертарная теория В. С. Нерсисянца, которую многие необоснованно считают разновидностью гегельянства; на самом деле эта теория — типичный юридический позитивизм, т.к. в ней нет мировоззренческого компонента).

Немецкая классическая философия — уникальный феномен мировой философии, давший великие образцы метафизического осмысления мира. Неотъемлемая часть этого феномена — философия права, которая демонстрирует подлинно метафизическое познание политико-правовых явлений. Это и есть та модель, та верхняя планка, на которую следовало

бы ориентироваться тем, кто стремится создавать настоящую философию права.

Среди пяти представителей немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах) только Кант, Фихте и Гегель оставили труды в области философии права. Для каждого из них философия права — периферия их творчества. Главная тема Канта, Фихте и Гегеля — гносеология, создав которую они проверяют, опробуют ее применительно к разным сферам человеческого и природного бытия, в том числе политико-правовой сфере. Философия права у них — органическая часть их философии, а точнее — гносеологии. Сведение всех разделов философии (включая философию права) к гносеологии — их отличительная черта. Проявление интереса к философии права Канта и Гегеля, наблюдаемое в конце XIX — первой трети XX в., вызвано не собственно их философией права, а их гносеологией, оригинально связанной с проблемами политико-правового бытия. Ценность философии права Канта и Гегеля в полной мере раскрывается только в связи с их гносеологией.

Метафизика — это разновидность философии, опирающаяся на веру. Метафизические смысловые модели есть результат рационализации ценностных установок автора, часто скрытых от него самого. Ценности — это проводник политических и экономических интересов, это канал внедрения идеологии в философию. Метафизическая философия права всегда пронизана идеологией, что доказывает философия права Канта и Гегеля. Первый, опираясь на фикцию категорического императива, пытается обосновать логическую необходимость правового государства. Второй с помощью фикции идеи свободы доказывает «разумность» прусской абсолютной монархии. Таким образом, метафизика способна обосновать любую политико-правовую конструкцию, она может стать (и становится) действенным средством политической пропаганды (на что верно указал Г. Маркузе).

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) А. В. Корнев выступил с докладом «Правовые идеи И. Канта и моделирование социальной реальности».

Трехсотлетний юбилей выдающегося философа, одного из создателей немецкой классической философии И. Канта отмечен на государственном уровне. Его имя, а главным образом

научно-философское наследие принадлежит всему человечеству. В России этого мыслителя вспоминают не только потому, что он был русским подданным и даже писал в 1758 г. императрице Елизавете Петровне прошение о принятии его на профессорскую должность. Идеи философа оказали громадное влияние не только на последующее развитие философии, но и на эволюцию человечества, перед которым или благодаря которому обозначились существенные вызовы уже тогда, во время его жизни. Огромная заслуга Канта состоит в том, что его идеи послужили толчком для развития теоретического юридического знания, главным образом философии права. Кант, а затем и Гегель несколько критически относились к юридической науке. Критика порой принимала ироничные формы. Вместе с тем они не пренебрегали категориями юридической науки, а иногда и просто заимствовали некоторые идеи и конструкции у немецкой юриспруденции. Воздавая должное немецкой классической философии, мы не вправе забывать и о том великом вкладе в юридическую науку, который внесли немецкие юристы. Можно смело признать доминирующее влияние немецких правовых школ на становление и развитие российской дореволюционной юридической науки и образования.

Вся жизнь знаменитого философа была связана с университетом г. Кёнигсберга. В этом университете он преподавал множество дисциплин, самых разнообразных. Одной из них являлось право. В этом смысле его никак нельзя назвать человеком, случайным для юриспруденции. Можно с известной долей уверенности говорить о влиянии естественных дисциплин на формирование его философских взглядов. По-настоящему он занялся собственно философией во второй половине своей научно-педагогической деятельности.

Что касается его воззрений на право и государство, то нельзя не отметить влияние идей М. Т. Цицерона. Сам Кант в этом призвался неоднократно. Римский политик, юрист и философ считал, что государство представляет собой множество людей, связанных между собой согласием в вопросах права. Кант дает примерно такое же понимание государства, только уточняет, что в государстве люди должны быть подчинены правовым законам.

Конечно, споры в части того, что можно признавать правовыми законами, а что — нет, идут до настоящего времени. И точку поставить не представляется возможным.

Юристы в массе своей воспринимают мысль Канта о том, что право представляет собой совокупность условий, при которых произвол (свобода) одного человека совместим с произволом другого человека на основе всеобщего закона свободы. Разумеется, философы практически всегда ищут право в категории свободы. Так повелось еще с античных времен. Право понимали как одинаковый масштаб, с помощью которого регулировались отношения между неравными в социальном смысле людьми. Иными словами, право воспринималось как мера — мера свободы.

Было бы большим заблуждением отмечать юбилей И. Канта только как мыслителя прошлых эпох, идеи которого канули в Лету вместе с кончиной их автора. Представляется, что он современен как никогда. «Герои мысли» по-настоящему принадлежат вечности.

Ни одна работа, в которой затрагиваются концептуальные вопросы философии права, не обходится без упоминания имени этого великого философа. В России Канта любили по-особенному — даже тогда, когда в науке безраздельно господствовал исторический материализм. Категорический императив Канта никого не мог оставить равнодушным. Надо было иметь смелость, особенно в то время, чтобы моральные аксиомы выводить не из религии, как это делали все, а из разума.

Собственно, данная сторона его философского творчества нам интересна сегодня. Кант воспел человеческий разум. В его философской системе разум выступает не просто в качестве самого совершенного механизма познания, но еще и в качестве способа моделирования желаемой социальной реальности, как сказали бы сегодня. Представляется, что юридическая наука должна использовать непреходящие идеи этого философа. Его правовые взгляды не только морально окрашены, но и предельно рационализированы.

Природа человека разумна. Стало быть, человек не просто пассивно отражает действительность, а наделен правом и обязанностью ее менять так, как подсказывает его разумное начало. Когда мы говорим об инновационной юриспруденции, самое время обратиться к творческому наследию кенигсбергского мыслителя.

В свете этого правовые модели поведения субъектов права (нормы) должны не просто соответствовать реальности, а, если угодно, опережать ее. Но самое главное состоит в том,

чтобы реализация таких правовых норм, результатов интеллектуальной деятельности человека меняла социальную среду. Общество и государство, используя правовые механизмы, могут количественно и качественно преобразовывать реальность, обеспечивая прогрессивное развитие. В этом и состоит моделирование социальной реальности.

Доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) О. Ю. Рыбаков выступил с докладом «Долг и право в философии Иммануила Канта». История философско-правовой мысли имеет особенность систематического обращения к творчеству Иммануила Канта. Любая философско-правовая концепция, если она действительно является таковой, содержит онтологическое, мировоззренческое, аксиологическое и методологическое начало.

В отличие от идей ярких представителей эпохи Просвещения и при почтительном отношении к идеям Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье Иммануил Кант основывает свои философские взгляды на право исходя из методологии критического рационализма. Идеализм Канта в известной степени противостоял материализму эпохи Просвещения. Он не оставляет за индивидом возможностей радикального индивидуализма, хотя точкой отсчета у него является именно индивид. «Моральная личность» опирается на необходимость реализации свободы, совместимой со свободой других лиц через идею долга. Идея индивидуального нравственного начала человека и трансформация этой идеи в общее понимание свободы как условия существования всех индивидов воплощена в соблюдении нравственного начала, обязательного для всех. Индивидуальное становится универсальным, общим в силу всеобщей необходимости устройства жизни в обществе и государстве. В этом состоит рационалистический подход И. Канта к оценке взаимодействия индивида и государства.

Обоснование моральной личности является важнейшим пунктом взглядов философа. Он вводит и обосновывает понятие нравственного закона. Иммануил Кант формирует два императива: гипотетический, связывающий цели индивидов с обстоятельствами их достижения и категорический (безусловный) императив. Обязательность последнего императива очевидна. Именно в нем выражена взаимообусловленность человека и человечества. Категорический

императив и его требования суть основное в поведении человека, который не должен руководствоваться обстоятельствами конкретного места и времени, гипотетическими правилами, а должен ориентироваться на категорический императив, который содержит саму универсальную идею долга перед человечеством. Недопущению трансформации произвола в свободу и свободы в произвол по существу служит нравственный категорический императив Канта, подчеркивавшего, что законодательство исходит из принципа: свобода каждого ограничивается условиями, при которых она может сосуществовать со свободой любого другого по единому всеобщему закону.

Вполне очевидно, что остается неразрешенным вопрос обеспечения требований к самому индивиду и последнего к себе подобным. Долг есть общественно выраженная обязанность. Если право, по И. Канту, это совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы, следовательно, право обретает статус позитивистского. Принудительная сила права, общеобязательная нормативность суть онтологические свойства права. Происходит трансформация внутреннего нравственного закона, обязывающего поступать именно так, а не иначе, в объективную потребность соблюдать предписанное извне право. Но данное правило формируется не за пределами разума и воли индивида. Это не легистский позитивизм. Это новый применительно к времени жизни И. Канта вид позитивизма, источником которого предстает индивидуальная нравственность, которая находит источник в виде чистого разума. Долг предполагает ограничения собственных интересов ради общественных.

Заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук, профессор А. А. Малиновский выступил с докладом «Свобода воли в учении Канта и современность: взгляд юридического психолога». В настоящее время перед российским правоведением стоит задача возобновить тесное сотрудничество с западными правовыми системами (Китай, Индия, африканские страны и т.д.). Однако, как известно, в данных странах, помимо законодательных норм, огромное значение имеют иные нравственно-правовые регуляторы. Кратко на них остановимся.

В конфуцианском Китае важную роль в сфере нормативного регулирования выполняют морально-нравственные заповеди — 10 китайских зол (заговор о мятеже, бунт, измена, неподчинение или непокорство, непочтительность, крайняя несправедливость, несправедливость, великое пренебрежение, великое непочтение, кровосмешение или блуд) и 5 добродетелей благородного мужа (человеколюбие, мудрость, справедливость, ритуал, искренность).

В Индии для регуляции повседневного поведения большое значение имеет соблюдение 10 правил дхармы (мужество, терпение, самоконтроль, честность, чистота, обуздание пяти чувств, благоразумие, стремление к познанию, правдивость и негневливость).

В африканских странах взаимоотношения между людьми строятся на основе следования духу Убунту согласно правилу: «Человек может быть счастлив только тогда, когда счастливы все окружающие его люди, поскольку счастье других делает человека по-настоящему счастливым».

С учетом вышеизложенного предлагается в процессе правового сотрудничества предложить западному юридическому сообществу унифицировать нравственно-правовые требования, имеющие юридическое значение, предложив использовать общий знаменатель — категорический императив Канта: «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом»; «поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству как в твоём лице, так и в лице всякого другого только как к средству, но всегда в то же время и как к цели».

Категорический императив Канта может быть использован в процессе переговоров при заключении международных договоров о дружбе и сотрудничестве (в рамках ШОС, БРИКС), при толковании норм о добросовестности, нравственности и разумности в договорах между субъектами внешнеэкономической деятельности.

Профессор кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор философских наук В. М. Артемов выступил с докладом «Важный результат нравственной рефлексии И. Канта: человек как автор и исполнитель нравственного категорического императива». Основоположник классической немецкой философии сродни Сократу, который впервые поставил проблему человека.

И. Кант ставит ее по-новому («Критика практического разума», «Основы метафизики нравственности», «Антропология» и т.п.). Если первый уводит философию от далекого Космоса в сторону самопознания, то новоевропейское светило приравняет по сложности, значимости и непостижимой удивительности «звездное небо над нами» и «нравственный закон в нас».

В такой постановке просматривается и ничем не ограниченный мир идей Платона, причем не только как некий идеал, но и как всеопределяющий абсолют. У новоевропейского мыслителя место последнего применительно к миру свободы стал занимать сам человек как носитель чистого разума — автор и исполнитель нравственного законодательства (категорического императива).

Важно обратить внимание на открытость такого подхода не только для идеалистов, но и для материалистов, включая естествоиспытателей. Так, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине К. Лоренц допускает, что И. Кант не оскорбился бы идеей естественного становления нравственного закона внутри нас³.

Кант выводит саму этику именно из человека как человека, т.е. носителя чистого разума, а значит, и представителя всего человечества. Несмотря на особенности того времени, когда по известным причинам доминировало религиозно-идеалистическое мировоззрение, И. Кант представляет в целом преимущественно светский, гуманистический подход в трактовке корней нравственности, да и права тоже. Автором и исполнителем нравственного категорического императива выступает человек, делая это по собственной доброй воле. Последняя появляется и культивируется именно у субъекта нравственности, что делает его ответственным за должное поведение в обществе и государстве.

В определенном смысле И. Кант не просто наш современник, но и близкий по духу отечественной культуре и философии человек. Мы вместе с ним, а он вместе с нами не можем не настаивать на строгом исполнении долга перед собой и другими, на абсолютном запрете лжи и т.п. Нравственная парадигма «Ты должен, значит, можешь» не раз спасала нашу страну от, казалось бы, «гарантированных» кем-то поражений. Об этом свидетельствуют и Отечественная война 1812 г., и Великая Отечественная война 1941–1945 гг., да и происходящие в настоящее время события. Кстати, его этико-философский

призыв «К вечному миру» стал еще более актуален, но он, думается, должен быть услышан прежде всего Западом, увы, ставшим в лице своей политической элиты источником агрессии и откровенного цинизма. Человек там далеко не цель — он просто некий носитель неуклонно растущих потребностей, а то и разного рода отклонений от нормальности. Последние навязываются другим, переводятся в разряд приоритетных, легализуются и даже официально пропагандируются. Типичный случай в этом отношении — поддержка идеологии и практики неонацизма. Решающую роль там играет политическая и корпоративная целесообразность. Налицо прямая и скрытая ложь на всех уровнях социального бытия, включая политико-правовое пространство, особенно идеологию.

В такой ситуации спасительными видятся нравственные поступки людей как людей в духе добра и справедливости. Учитывая практический характер нравственной философии, хочется обратить внимание на то, что кафедральному клубу «Нравственное измерение права» удалось разбудить искренний интерес к юбилею.

В рамках работы **круглого стола «Правовые технологии социального конструирования»** были заслушаны следующие доклады.

Доцент кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель заведующего кафедрой по научной работе, кандидат философских наук М. А. Беляев выступил с докладом «Возможно ли опережающее отражение социальной действительности посредством права?». Логика трансцендентального анализа предполагает двухуровневый дискурс об истине. На первом уровне субъект, вовлеченный в межсубъектную коммуникацию, производит истины о внешнем мире, причем этот мир дан субъекту в горизонте его естественной установки как нечто очевидное, само собой разумеющееся. Полученные истины релевантны в большей мере самому миру, нежели коммуникации и субъекту, участвующему в ней, однако такому положению дел свойствен некий эпистемологический дефицит, внешне выраженный в незавершенности процесса построения системы истинных высказываний. Отсюда возникает необходимость второго дискурсивного уровня, на котором множество реальных коммуникаций интериоризируются внутрь сознания субъекта, выводя на первый план рефлексивность в каче-

³ Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : АСТ, 2018. С. 349.

стве навыка перевода реального как множества феноменов в виртуальное и обратно. На втором уровне субъект стремится ответить на вопрос: как возможно производство хотя бы единственного истинного суждения? Именно эту схему допустимо применять к описанию правогенеза. Первый уровень социальной коммуникации протекает по схеме движения от стимула к реакции, когда правовые нормы (или, шире, правовые режимы) используются как средства решения текущих управленческих или перераспределительных в экономическом смысле проблем. Эти проблемы для любой живой социальной системы образуют разомкнутый континуум, своего рода «дурную» бесконечность, меру которой определить рациональными способами невозможно. Отсюда, в частности, проистекает невозможность ответа на вопрос о достаточности правового регулирования тех или иных общественных отношений, поскольку обе крайние точки зрения на данную проблему могут быть обоснованы эмпирическим путем. Таким образом, целесообразно, отказавшись от правотворческой деятельности по схемам бихевиористского толка, найти трансцендентальное основание и одновременно предел для нее. Замыкание континуума происходит при переходе на второй уровень социальной коммуникации, где господствует рефлексивное начало. Однако существует и проблема: поскольку основным созидателем правовых текстов является государство, вовлечь его в делиберативные демократические обсуждения невозможно путем принудительных мер воздействия, ибо суверен сам есть носитель и агент публично-оформленного принуждения. В этом случае стимулирование к совершенствованию правовой и регуляторной политики должно быть интеллектуально-ценностным, что делает особо важным сообщество исследователей, где центральную роль должны играть правоведы, но работать они должны в тесном и каждодневном сотрудничестве с гуманитариями, в том числе философами и историками, а также психологами и экономистами. Опережающее отражение социальной действительности посредством права может осуществляться в трехзвенных коммуникативных цепочках, центральное место в которых будут занимать «фабрики мысли», т.е. сообщества исследователей, работающие в соответствии с ценностно-целевой матрицей и вступающие в информационный обмен

с представителями публичной власти, с одной стороны, и заинтересованными в определенных правовых режимах лицами — с другой. Таким способом будут обеспечены непрерывность и разнообразие правовой коммуникации и более рациональный, философски выверенный порядок правогенеза.

Профессор кафедры публичного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук В. В. Денисенко выступил с докладом «Конструирование реальности в правовой системе с позиции социальной феноменологии». Социальное конструирование реальности — это отсылка к названию одноименной книги П. Бергера и Т. Лукмана. Данная работа является одной из фундаментальных и влиятельнейших работ по социологии знания: так, в 1998 г. Международная социологическая ассоциация поставила «Социальное конструирование реальности» на пятое по значимости место среди социологических книг XX в. Основой названной работы послужили взгляды основателя социальной феноменологии Альфреда Шюца. Представляется, что главные идеи социального конструктивизма актуальны для современной отечественной юриспруденции, поэтому следует остановиться на главных моментах концепции указанных выше социологов. Идеи социального конструктивизма связаны со следующими категориями: «интерсубъективность», «жизненный мир», «легитимация» и «теория идентичности». В современном информационном государстве эффективность правового регулирования напрямую связана с легитимностью правовых предписаний; именно феноменология позволяет заложить методологическую основу для правовой политики. Понимание права через интерсубъективность дает возможность понять роль правомочия. Так, сторонник социальной феноменологии А. В. Поляков пишет: «...центральным элементом правовой структуры является правомочие, т.е. наличная возможность субъекта свободно (тем или иным образом) действовать в определенных социально признанных (нормативных) границах и требовать от других действий, соответствующих правомочию. Следовательно, правомочие выступает как социально оправданное притязание»⁴. Социальная феноменология дает ключ для понима-

⁴ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 105.

ния процессов современности, когда «новые конфликты вспыхивают не из-за проблем распределения, а из-за вопросов грамматики форм жизни»⁵. Научное исследование права как социального регулятора не может обойтись без использования достижений общественных наук XX в., таких как антропология, семиотика, теория речевых актов, дискурс-анализ. В XXI в. при характеристике общественных изменений целесообразно использование категорий феноменологии — «жизненный мир» и «система»; оперируя ими, возможно раскрыть современные стратегии правотворчества и правоприменения. На фундаменте социальной феноменологии, в частности, формируется дискурсивно-коммуникативное понимание права. Ю. Хабермас в работе 1992 г. «Фактичность и значимость» пишет, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, т.е. принудительности, — оно должно содержать в себе и значимость», т.е. легитимность⁶. В настоящее время, используя идеи социального конструктивизма и социальной феноменологии, коммуникативное понимание права раскрывает ряд принципиально новых процедур в правообразовании и реализации права, связанных с взаимным признанием. Опыт ряда зарубежных стран показывает эффективность этих процедур и востребованность феноменологии в современном цифровом государстве.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ И. Л. Честнов представил доклад «Конструктивизм в постсовременной юриспруденции».

Провозглашение активной роли эпистемологии в формировании представлений о «вещах для нас» по сути обосновывает конструирование и сконструированность социальной реальности. С указанной точки зрения реальность (по крайней мере социальная, включая правовую) — это не данность или заданность, а конструкция, производимая наблюдателем. Это не отрицает существование природы, людей,

отношений между ними. Однако они становятся «вещами для нас» через их означивание и осмысление. Правовое означивание (аскрибирование, по Г. Харту) и есть механизм конструирования правовой реальности.

Принципиально важен в этой связи вопрос: как соотносятся между собой внешние условия, обстоятельства правового конструирования (структура) и сама такая деятельность (активность людей)? Это, можно сказать, основной вопрос философии права — диалог личности и структуры. Обе крайности малопродуктивны: в социальных отношениях нет законов природы, которые действовали бы как «непреодолимая сила», сами по себе, кроме как «банальные трюизмы», по выражению Я. Хакинга (что не отрицает существования «мягких закономерностей»). Но и конструктивизм как первичный произвол (Б. Паскаль) или доправовые властные отношения, которые затем закрепляются как правовые (Ф. Ницше), не может быть каким угодно. Существует трансцендентное основание (почти по Канту) такой активности. Это не что иное, как выживание общества.

Такие абстрактные рассуждения конкретизируются криминологической конкретикой. По мнению сторонников конструктивистской криминологии (Н. Кристи, Я. И. Гилинского и др.), не существует «девиантного эссенциализма» в связи с эмпирически фиксируемой перманентной изменчивостью мира, включая трансформацию социальных представлений, но и невозможностью обнаружить субстанцию как преступлений, так и любых социальных отклонений (не существует «хорошего» или «плохого» как такового, но есть оценка соответствующих деяний в конкретных ситуациях). Это подтверждает тот неоспоримый факт, что невозможно сконструировать универсальные («вечные») и содержательные составы преступлений, даже убийства или кражи. Они — формулировки — изменчивы и контекстуальны. Однако у всех народов и во все времена обнаруживаются такого рода запреты. Они зависят от внешних факторов (от политики, экономики, культуры и т.д.) и их интериоризации властью и широкими народными массами в социальные правовые представления, в том числе о том, что считать сегодня общественно опасным. Поэтому правовая ре-

⁵ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Весь мир, 2022. С. 833.

⁶ Habermas J. Between Facts and Norms : Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge : MIT Press, 1996. P. 136.

альность конструируется, однако всегда в соответствующем контексте, который во многом определяет, что и как конструируется.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент С. В. Павлова выступила с докладом «Право как феномен человеческого духа». Ответ на главный вопрос юриспруденции «что есть право?» в разные исторические эпохи звучал по-разному. История политических и правовых учений как наука, проделав немалый путь в поисках правопонимания, выработала свою методологию исследования политико-правовых явлений.

Можно обнаружить, что в Античности главным методологическим тезисом явилось утверждение о том, что природу права следует искать в природе человека. Этим объясняется пристальное внимание древнегреческих философов к сущности человека и его месту в обществе. Уже Платон, рассуждая о государстве, раскрывает три составляющие человеческой души. Известное определение Аристотеля получает свое гениальное продолжение у Цицерона, который, предвосхищая средневековую эпоху, считает людей существами, наделенными «склонностью любить друг друга». Поиски определения справедливости привели античную теорию «естественного права» к отождествлению ее с самим правом.

Методология политико-правовых учений Средневековья продолжила поиск правопонимания в том же направлении, открыв в природе человека духовную составляющую, которая есть сопричастность Творцу. Тогда и справедливость уступила место самой любви, осмысленной европейскими народами в русле христианской религии.

Мировоззренческий переход от теоцентризма к гуманистической культуре эпохи Нового времени вызвал в науке отказ от религиозных смыслов бытия, что отразилось и на правопо-

нимании. Позитивизм в философии привел к позитивизму в юриспруденции.

Обращение И. Канта в XVIII в. к поискам нравственного начала в человеке и обществе стало точкой отсчета обратного времени — возвращения к первоосновам правопонимания — к природе человека. Категорический императив в науке прозвучал как 10 заповедей Моисея или заповедь любви Христа. Метафизика Канта нашла наибольший отклик в русской религиозной философии права. Б. Н. Чичерин так и провозгласил: «Наука должна признать духовность человека, и спорить об этом странно»⁷.

Отечественная философия права, проявив самобытность, в XIX в. вернулась к своей исконной традиции познания бытия времен митрополита Илариона. Теория «возрожденного естественного права», утверждая человека духовным существом (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин), рассматривает право как феномен человеческого духа, а государство как духовный организм.

В основу политико-правового анализа были положены религиозно-нравственные добродетели, которые формируют культуру человеческого духа. Они же выступают и критериями справедливости (а значит, права и правового идеала). Самобытность (феномен) цивилизации, а следовательно, и государства определяется особенностями религиозных традиций, особыми формами религиозно-нравственного и философского сознания. Это дало основание современной юриспруденции заявить, что политико-правовая мысль определяется религиозно-мифологическими воззрениями эпохи, а всемирная история политических и правовых учений представляет собой важнейшую составную часть духовной культуры человечества.

Конференция и круглый стол прошли в обстановке научной дискуссии, глубокого осмысления обсуждаемых вопросов. Выражаем признательность всем участникам научного мероприятия!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avkornev@msal.ru

⁷ Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Либроком, 2011. С. 15.

Рыбаков Олег Юрьевич, доктор юридических наук, доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
oyurybakov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 1 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 июля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 01.05.2024.

Revised 10.07.2024.

Accepted 15.07.2024.